

А. Г. Дружинин

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного
федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия;
Институт географии РАН, Москва, Россия
E-mail: alexdru9@mail.ru

«КАВКАЗСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ: ПОСТСОВЕТСКАЯ ДИНАМИКА

Современная Россия являет собой пространство пролонгированного взаимодействия множества народов и этнических групп. Общее численное превалирование в этнической структуре русских сочетается, при этом, с практически повсеместными в пределах страны «вкраплениями» иноэтнических территорий, а также ареалов и зон, характеризующихся сложным, различающимся своей динамикой и межэтническим контактом. К числу последних относится и подавляющая часть регионов Юга России (понимаемого как двуединство Северо-Кавказского и Южного федеральных округов), где проявления полиэтничности предопределены не только историей регионогенеза, но и факторами географического соседства, а вопросы этнодемографической динамики в постсоветский период особым образом актуализированы. Статья (базирующаяся на данных переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.) нацелена на выявление (и акцентирование) «кавказской составляющей» в трансформации этнодемографической структуры регионов Юга России. Установлено, в частности, что «пик» миграции народов Южного Кавказа в регион (сфокусированный на Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область и Дагестан) пришёлся на 1990-е гг., а в последующий период основные этнодемографические изменения определялись не столько диффузией ведущих (по своей численности) автохтонных северо-кавказских этносов (чеченцы, аварцы, даргинцы и др.) из ареалов собственного «месторазвития» на степные и приморские территории, сколько локализацией и опережающим численным ростом представителей соответствующих народов в пределах «своих» регионов. Показано, что тенденция этнодемографической «кавказизации» российского Юга носит долговременный, устойчивый (и «разноскоростной» по отдельным субъектам Федерации) характер, а её действие можно прогнозировать и на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: этнос, этническая структура, этносы Кавказа, этнодемографическая динамика, регионы, Юг России.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Для цитирования: Дружинин А. Г. «Кавказская составляющая» этнодемографической структуры регионов Юга России: постсоветская динамика // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 3. С. 58–71. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310014704-7>

A. Druzhinin

North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, South Federal
University, Rostov-on-Don, Russia;
Institute of geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: alexdru9@mail.ru

**THE “CAUCASIAN COMPONENT” OF THE ETHNODEMOGRAPHIC
STRUCTURE OF THE REGIONS OF SOUTHERN RUSSIA:
POST-SOVIET DYNAMICS**

Modern Russia is a space of prolonged interaction of many peoples and ethnic groups. The general numerical prevalence in the ethnic structure of Russians is combined, at the same time, with almost ubiquitous "intersperses" of non-ethnic territories, as well as areas and zones characterized by complex inter-ethnic contact that differs in its dynamics. The latter include the vast majority of the regions of the South of Russia (understood as the dual unity of the North Caucasus and Southern Federal Districts), where the manifestations of polyethnicity are predetermined not only by the history of regionogenesis, but also by the factors of geographical proximity, and the issues of ethnodemographic dynamics in the post-Soviet period are particularly relevant. The article (based on the data of the population censuses of 1989, 2002 and 2010) aims to identify (and emphasize) the "Caucasian component" in the transformation of the ethnodemographic structure of the regions of Southern Russia. It was established, in particular, that the "peak" of migration of the peoples of the South Caucasus to the region (focused on the Krasnodar and Stavropol Territories, Rostov Region and Dagestan) fell on the 1990s, and in the subsequent period the main ethnodemographic changes were determined not so much by the diffusion of the leading ones (by their number) of autochthonous North Caucasian ethnic groups (Chechens, Avars, Dargins, etc.) from the areas of their own "place of development" to the steppe and coastal territories, as much as by the localization and outstripping numerical growth of representatives of the corresponding peoples within "their" regions. It is shown that the tendency of the ethno-demographic "Caucasianization" of the Russian South is of a long-term, stable (and "different-speed" nature for individual subjects of the Federation), and its effect can be predicted for the long-term.

Keywords: *ethnos, ethnic structure, ethnoses of the Caucasus, ethnodemographic dynamics, regions, South of Russia.*

Acknowledgments. *The reported study was funded by RFBR, project number 20-05-00369 "Transformation of the Ethnocultural Space of Post-Soviet States: Factors, Trends, Prospects".*

For citation: Druzhinin A. (2021), The "Caucasian component" of the ethnodemographic structure of the regions of Southern Russia: post-soviet dynamics, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 58–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310014704-7>

Введение. В современном мире (с его сверхсложной пространственной структурой и перманентными, стремительными, в огромной мере спонтанными, непредсказуемыми социальными, экономическими и политическими изменениями) вопросы «этничности» и межнациональных взаимодействий — неизменно актуализированы, занимая, при этом, приоритетное место в исследовательской, в том числе и общественно-географической повестке [6; 12; 18]. Особо значима соответствующая тематика для постсоветской России, объединяющей на своей территории более 190 народов [19], страны с многочисленными (зачастую обширнейшими по занимаемой площади) полиэтническими (и иноэтническими) территориями.

Три последних десятилетия для Российской Федерации оказались ознаменованы не только «взрывным» ростом этнического самосознания и сопряжённой с ним активизацией регионализма, но и существенными, значимыми по своим векторам, а также следствиям этнодемографическими, этнокультурными структурными изменениями. Их наиболее значимый, судьбоносный для российского государства аспект — осязаемое уменьшение в этнодемографической структуре собственно «русской компоненты». За 1989–2010 гг. (согласно данным переписей) число лиц, заявивших себя как «русские», сократилось в целом по стране более чем на 8,8 млн чел. (в целом по всему постсоветскому пространству — на 15 млн [7]), т. е. более чем на 7,3 % или, иначе, с 81,5 до 77 % от общей численности населения. Весьма типична («модельная») и, одновременно, во-многом специфична в этом плане ситуация на Юге России, в макрорегионе, объединяющем Южный и Северо-Кавказский федеральные округа (в их составе в настоящее время 15 субъектов Федерации) и вмещающем сложную «мозаику» моно- и полиэтнических территорий с несхожими, подчас разнонаправленными факторами и векторами демографической динамики. Здесь на фоне устойчиво прирастающего совокупного демографического потенциала (за два последних межпереписных периода население Юга России возросло на 13 % при одновременном общем сокращении по стране на 3 %) и в целом весьма стабильности численности русских (в 1989 г. — 14373 тыс. чел., в 2010 г. — 14306 тыс.) удельный вес последних в совокупном населении сократился с 70 % (1989 г.) до 61,7 % (2010 г.). Подобный резко проявившийся этнодемографический «сдвиг» в существенной мере связан с базовыми особенностями южно-российского регионогенеза [5], с влиянием на него в том числе и «кавказского фактора», предопределяемого не только обстоятельствами непосредственного географического соседства, либо исторически сложившейся (а также продуцируемой современной геополитической архитектурой) сопряжённостью политических и социально-экономических трендов в пределах Южного и Северного Кавказа (в последние годы весь многоконфессиональный и полилингвистичный Кавказ зачастую рассматривают и как единое целое, некую особую цивилизацию [9; 20; 22–24]), но и самим фактом вхождения в контур Российской Федерации семи «этнических» северо-кавказских республик (что закономерным образом превращает Кавказский регион в компонент уже непосредственно южно-российской пространственной структуры, придаёт его воздействию на процессы в пределах Юга России черты не только внешнего, но и эндогенного обстоятельства).

Целью исследования является оценка масштаба и выявление приоритетных векторов «кавказской составляющей» трансформации этнодемографической структуры Юга России в постсоветский период (с фокусировкой на данные Всесоюзной переписи населения 1989 г., а также Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.).

Исходные предпосылки. Концептуально и методологически данное исследование базируется на фундаментальных научно-теоретических и информационно-аналитических наработках демографов, этнологов, социологов и географов, посвящённых этнодемографическим процессам в регионах Российской Федерации, их важнейшим детерминантам (воспроизводство населения, миграционные процессы, неравномерность пространственного социально-экономического развития, геополитические обстоятельства и др. [2; 4; 10; 17]). Отправным моментом при выборе (и делимитации) объекта конкретного анализа явились, при этом, культивируемые с середины 1990-х гг. (и получившие широкое признание в начале 2000-х гг. благодаря «запуску» специальной Федеральной целевой программы) представления о Юге России как особом, самостоятельном, целостном макрорегионе страны [5], о регионоформирующем влиянии на его структуру и динамику «кавказского фактора». Последний, кстати, в предлагаемой автором трактовке не сводится лишь к воздействию на этнодемографические процессы в макрорегионе представителей этносов, относимых к т. н. «кавказской языковой семье» [15]; феномен «кавказских народов» рассматривается более расширительно с учётом геоистории, геополитики, особенностей локализации того или иного этноса. Учитывался, в том числе (наряду с лингвистическим признаком) и сам «кавказский» ареал воспроизводства («месторазвития»), если оперировать категорией, предложенной в 1920-е гг. в рамках доктрины «евразийства» [3; 8]) того или иного этноса, а также превалирующее размещение представителей соответствующих народов в регионах Северного, либо государствах Южного Кавказа. Этот подход позволил ввести в рамки исследования как ведущие этносы Южного Кавказа (азербайджанцы, армяне, грузины), так и все автохтонные народы Северного Кавказа (относящиеся к нахско-дагестанской, абхазо-адыгской, тюркской и индоевропейским языковым семьям).

Основной информационный массив исследования основывается на данных трёх последних переписей населения (последней «советской» и двух постсоветских). За его «рамки», в этой связи, были сознательно выведены «крымские» субъекты Российской Федерации, вновь ставшие частью единого российского пространства лишь в марте 2014 г. и только в июле 2016 г. интегрированные в состав Южного федерального округа.

Результаты исследования. Первые постсоветские годы оказались для России (и её Юга) «шоковыми», ознаменованными локализованными межэтническими конфликтами (в т. ч. и с военно-силовым противостоянием) как в пределах Северного (Чечня), так и Южного Кавказа (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах и др.), что в совокупности инициировало масштабное «переселение народов». В этот период только северо-кавказские республики навсегда покинуло около 500 тыс. проживавших в них ранее русских жителей [6]. Стремительно минимизировалось (в советский период также незначительное) «русское присутствие» и в этнодемографической структуре Южного Кавказа [10]. В этих же условиях ряд относительно «благополучных» южно-российских регионов («степных», с численно превалирующим русским населением) оказался весьма привлекателен для миграции в них представителей ведущих *южно-кавказских народов*, что проявилось в существенном (в пределах Юга России) росте их численности (табл. 1).

Таблица 1

Численность этнических азербайджанцев, армян и грузин в регионах Юга России, чел.*

Table 1

The number of ethnic Azerbaijanis, Armenians and Georgians in the regions of the South of Russia, people

	Азербайджанцы			Армяне			Грузины		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Республика Адыгея	11636	1399	1758	182217	15268	15561	12748	925	803
Краснодарский край		11944	10165		274566	281680		20500	17826
Республика Калмыкия	691	800	761	494	887	867	582	443	338
Астраханская область	4530	8215	7828	2807	6309	5824	969	1212	926
Волгоградская область	7708	14257	14398	6784	26974	27846	2241	3536	2760
Ростовская область	10215	16498	17961	62603	109994	110727	6554	10636	8296
Республика Дагестан	75463	111656	130919	6260	5702	4997	917	876	687
Чеченская Республика	1108	226	696	14824	424	514	1041	208	282
Республика Ингушетия		123	83		64	16		323	100
Кабардино-Балкарская Республика	2024	2281	2063	3512	5342	5002	2090	1731	1545
Ставропольский край	9450	15069	17800	72530	149249	161324	5998	8764	7526
Карачаево-Черкесская Республика		1024	976		3197	2737		556	461
РСО-Алания	1751	2429	2867	13619	17147	16235	12294	10803	9095
Все регионы Юга России**	124576	185921	206275	365650	615123	633330	45434	49877	50445

* составлено автором по данным Росстата.

** без регионов Крыма, вошедших в состав Российской Федерации в 2014 г.

Как свидетельствуют данные переписей, основной рост численности диаспор «государствообразующих» народов Южного Кавказа пришёлся именно на 1990-е гг. Если в 1989 г. в пределах Юга России (13 субъектов Российской Федерации, вошедших в мае 2000 г. в состав Южного федерального округа) удельный вес в совокупном населении составлял для армян 1,8 %, азербайджанцев — 0,6 %, а грузин — 0,2 %, то уже согласно переписи 2002 г. удельный вес перечисленных этносов достиг 0,9, 2,8 и 0,2 % соответственно.

Реально (и существенно, в 1,7 раза) приросла, прежде всего армянская диаспора. Особо выраженная позитивная динамика имела место в регионах, где и ранее, в совет-

ский период, в этнической структуре присутствовала весомая «армянская составляющая» (Краснодарский край, Ростовская область и Ставропольский край). Аналогичный фактор «сработал» и в случае азербайджанской миграции: 60 % прироста численности данной диаспоры в пределах всего Юга России за 1989–2002 гг. обеспечил Дагестан (где и к моменту разрушения СССР проживало 60 % всех локализованных в пределах Юга России этнических азербайджанцев). На этом фоне численность армянского населения сократилась не только в Дагестане, но и (весьма существенно) в Чеченской республике и Ингушетии.

В отличие от армян и азербайджанцев, рост грузинской диаспоры фиксируемый в 1990-е гг. в наиболее крупных и экономически благополучных «равнинных» регионах российского Юга оказался не столь внушительным. Характерно также, что уже в 2000-е гг. в пределах российского Юга диаспоры наиболее крупных народов Южного Кавказа либо сокращались, либо (локально) испытывали незначительный (практически в пределах естественной динамики) рост.

В итоге, согласно данным переписи 2010 г. в пределах 13 регионов Юга России оказалось сконцентрировано 52 % от общей численности проживающих на территории Российской Федерации армян, 34 % азербайджанцев и 32 % грузин. При этом 84 % грузинской диаспоры в пределах южно-российского макрорегиона приходилось на четыре субъекта Российской Федерации: Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, а также в РСО-Аланию. Для армянской диаспоры приоритетной «площадкой» локализации выступили Краснодарский и Ставропольский края с Ростовской областью (87 % от численности диаспоры на Юге России), азербайджанской — Республика Дагестан (64 % суммарной численности диаспоры). Всего же, за период 1989–2010 гг. во всех (суммарно) 13 регионах российского Юга численность армянского населения возросла на 268 тыс., азербайджанцев — на 82 тыс., грузин — на 5 тыс. чел. Общий (за два межпереписных периода) рост «южно-кавказской составляющей» этнической структуры (если учитывать три наиболее крупных народа Южного Кавказа) составил, в итоге 355 тыс. чел. (т. е. в 1,66 раза).

Но как соотносится эта прокатившаяся четверть века назад иноэтническая «миграционная волна» с общими подвижками этнической структуры Юга России? Насколько она сама по себе оказалась «весомой», существенной?

Характерный для всего постсоветского периода рост демографического потенциала российского Юга (анализ данных переписей 1989 и 2010 гг. позволяет оценить его для данного временного интервала в 2666 тыс. чел.) протекал на фоне стабилизации (с элементами депопуляции) русского населения и, в существенно большей степени (в т. ч. за счёт смены этнической идентичности) проживающих на территориях Юга России украинцев (в 1989 г. таковыми заявили себя более 489 тыс. чел., в 2010 г. — лишь 253 тыс.). В итоге «русско-украинская» составляющая населения за два межпереписных периода в целом по южно-российскому макрорегиону сократилась на 303 тыс. чел. «Компенсационный» прирост иных этносов составил, следовательно 2969 тыс. Южно-кавказский компонент (армяне, азербайджанцы и грузины), в итоге, «ответственен» лишь за 12 % от этой (весьма внушительной) динамики.

Разумеется, все 2000-е гг. в Российскую Федерацию устойчиво нарастал поток мигрантов — представителей этносов Центральной Азии [16]. Однако российский Юг в силу многих причин (экономических, этнополитических, ментальных) оказался на периферии данного процесса. Как свидетельствует специально проведённый анализ, в период 2002–2010 г. в 13 южно-российских субъектах Федерации число постоянно проживающих в них узбеков (а это — около половины всей этнической

миграции из стран Центральной Азии) увеличилось лишь на 9,9 тыс. чел. «Центрально-азиатский фактор» демографического прироста на Юге России, таким образом, в любом случае не может быть оценён в величину более 1 %.

Фундаментальные причины изменения этнической структуры российского Юга являются по отношению к данному макрорегиону, следовательно, преимущественно эндогенными, связанными с демографической динамикой исторически проживающих на его территории *автохтонных северо-кавказских этносов*, в первую очередь, крупнейших по численности. Фокусируя внимание на подобной региональной этнодемографической детерминанте, необходимо также акцентировать внимание на особенностях пространственной структуры российского Юга, характеризуемого:

– устойчивой (и весьма выраженной) своей «*этнодемографической дихотомией*», т. е. пространственным структурированием на две основные составляющие: территории с выраженным численным преобладанием (при в целом постепенном снижении удельного веса) русского населения (табл. 2) и «национальными», с преобладанием в этнодемографической структуре представителей иных народов регионами (в их числе лишь Калмыкия по своим базовым этническим характеристикам не может быть идентифицирована как «кавказская»);

Таблица 2

Удельный вес русских в регионах Юга России (% , по данным трёх последних переписей населения)*

Table 2

The proportion of Russians in the regions of the South of Russia (% , according to the data of the last three population censuses)

Регионы	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Адыгея	68,0	64,4	61,4
Республика Дагестан	9,2	4,7	3,6
Республика Ингушетия	13,2	1,2	0,8
Чеченская Республика	24,8	3,7	1,9
Кабардино-Балкарская Республика	32,0	25,1	22,4
Республика Калмыкия	37,4	33,6	29,4
Карачаево-Черкесская Республика	42,4	33,6	31,4
Республика Северная Осетия — Алания	29,9	23,2	20,6
Краснодарский край	86,7	86,6	86,5
Ставропольский край	84,0	81,6	80,1
Астраханская область	72,0	69,7	61,2
Волгоградская область	89,1	88,9	88,5
Ростовская область	89,6	89,3	88,0

* составлено по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

– сложной «мозаикой» моноэтнических и полиэтнических территорий, позволяющих типологизировать в пределах Юга России регионы: 1) с *существенным численным преобладанием одного из этносов*, включая Чеченскую Республику (в её населении 95 % чеченцев), Ростовскую область (88 % русских), Волгоградскую область (88,5 % русских), Краснодарский край (86,5 % русских; в числе иных этнических групп выделяются армяне — 5,4 %), Ставропольский край (80,1 % русских и, кроме того, 5,8 % армян, 1,8 % даргинцев и т. д.), Республику Ингушетия (93,2 % ингушей и 4,6 % чеченцев) и Астраханскую область (61,2 % русских, 14,8 % казахов, 6,0 % татар); 2) с *численным преобладанием одного из этносов при наличии иных, так-*

же весомых в национальной структуре составляющих, включая Республику Адыгея (61,4 % русских и 24,4 % адыгейцев), Республику Северная Осетия-Алания (64,4 % осетин и 20,6 % русских), Кабардино-Балкарскую Республику (57,0 % кабардинцев, 22,4 % русских и 12,7 % балкарцев) и Республику Калмыкия (56,4 % калмыков и 29,4 % русских); 3) регионов, характеризующихся полиэтничностью при наличии ряда крупных этнических групп, включая Карачаево-Черкесскую Республику (40,7 % карачаевцев, 31,4 % русских, 11,7 % черкесов, 7,8 % абазин и др.) и Республику Дагестан (29,2 % аварцев, 16,8 % даргинцев, 14,8 % кумыков, 13,2 % лезгинов, 5,5 % лакцев, 4,1 табасаранцев, 4,5 % азербайджанцев, 3,6 % русских, 3,2 % чеченцев и др.);

– наличием стабильного миграционного «перетока» населения между (укрупненно) «горно-предгорной» и «степной и приморской» составляющими российского Юга и, одновременно, ощутимыми различиями в динамике естественного воспроизводства населения на территориях с численной доминантой русских и ареалами компактного расселения автохтонных северо-кавказских народов (так, если в середине 2000 гг. в Ростовской области на 1000 жителей естественная убыль составляла 6,7 чел., а в Краснодарском крае — 5,4 чел., то в Чеченской республике, напротив, наблюдался прирост на уровне 20 чел., в Дагестане — 9,5; эта пропорция, несколько «сгладившись» сохраняется и поныне [14]);

– последовательным, характерным для всего постсоветского периода (и многократно акцентированным в соответствующих аналитических работах [19; 21]) «стягиванием» северо-кавказских этносов в «свои» регионы (в т. ч. и в результате наиболее значительной динамики естественного воспроизводства), с их дальнейшей соответствующей «моноэтнизацией» (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес представителей этноса, проживающих на территории «своей» республики, от их общей численности в пределах Российской Федерации*

Table 3

The proportion of representatives of an ethnic group living on the territory of “their” republic, from their total number within the Russian Federation

	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Аварцы	91,1	93,1	93,2
Адыгейцы	94,3	81,3	85,6
Балкарцы	91,0	96,3	96,5
Даргинцы	79,3	88,6	83,2
Ингуши	76,3	87,4	86,9
Кабардинцы	94,0	96,0	95,8
Карачаевцы	94,6	88,0	89,0
Кумыки	83,8	86,5	85,6
Лезгины	79,4	81,8	81,4
Осетины	83,3	86,6	87,1
Черкесы	82,4	81,8	76,7
Чеченцы	81,6	75,7	84,3

* составлено по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Обобщая, в пределах Юга России уместно структурировать: 1) ареал устойчивости «русской составляющей» этнодемографической структуры (Ростовская и Волгоградская области, Краснодарский край); 2) территории, где «русская компонента»

населения, также продолжая численно доминировать, неизменно сокращается (Республика Адыгея), в том числе весьма интенсивно (Астраханская область); 3) все остальные регионы Юга России (их можно классифицировать как «иноэтнические») с характерным для них последовательным сокращением численности и удельного веса русских (включая и территории, где соответствующие показатели уже сейчас предельно минимизированы: Дагестан, Чечня, Ингушетия).

Следует также подчеркнуть, что в 2000-е гг. процесс «стягивания» северо-кавказских этносов на территории «своих» республик оказался дополнен и контртенденцией — их пространственной диффузией с ориентацией как на ведущие социально-экономические центры страны, так и экономически наиболее благополучные сопредельные регионы Юга России.

Анализируя данные предшествующих переписей (в т. ч. и 1989 г.) нельзя не констатировать: представители автохтонных народов Северного Кавказа (в первую очередь — чеченцы, даргинцы) проживали в сопредельных (с их компактными ареалами расселения) краях и областях Юга России и в советский период. В 1990-е гг. элементы «диффузии» северо-кавказских этносов проявились как в связи с военно-политической обстановкой в Чечне (обусловивший временный выезд чеченцев за пределы республики), так и крайне существенными (в те годы) социально-экономическими градиентами между «горно-предгорными» и «равнинными» территориями Юга России. В последующий межпереписной период (2002–2010 гг.) численность соответствующих этносов в регионах Юга с преобладающим русским населением либо сокращалась (что характерно для чеченцев), либо незначительно прирастала в пределах естественного тренда (табл. 4).

Таблица 4

Численность некоторых наиболее крупных северо-кавказских этносов в областях и краях Юга России, чел.*

Table 4

The number of some of the largest North Caucasian ethnic groups in the regions and territories of the South of Russia, people

		Краснодарский край	Адыгея	Ставропольский край	Карачаево-Черкесия	Ростовская область	Астраханская область	Волгоградская область
Чеченцы	1989	1801		14988		17181	7886	11140
	2002	2884	1122	13208	1757	15469	10019	12256
	2010	2313	610	11980	674	11499	7229	9649
Аварцы	1989	1156		6250		4073	1848	1334
	2002	1460	133	7167	207	4038	4217	2118
	2010	1848	213	9009	216	4595	4719	2290
Даргинцы	1989	823		32740		6179	2708	1901
	2002	860	108	40218	290	6735	3550	2604
	2010	1056	125	49302	293	8304	4241	3501
Кумыки	1989	440		6096		2070	1012	899
	2002	586	103	5744	244	1341	1376	895
	2010	581	91	5639	264	1511	1558	1018
Лезгины	1989	3076		5175		3260	1809	1718
	2002	3752	300	6558	444	3659	3646	2046
	2010	4106	391	7900	400	3902	4246	2145

* составлено по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

«Выплеск» северо-кавказской «этнической» миграции, судя по данным переписей населения, таким образом, хотя и фиксируется статистически, но оказался не столь радикален и повсеместно доминантен (например, в этнической структуре внутрироссийского миграционного прироста населения Краснодарского края преобладают русские, на долю которых приходится более 70 % [1]), ощутим своими структурными последствиями. Для подавляющей же части народов Северного Кавказа (чеченцев, аварцев, даргинцев, лезгин, осетин, балкарцев, кумыков, адыгейцев и др.) именно их региональные «месторазвития» все постсоветские десятилетия продолжали опережающим образом формировать и приоритетным образом концентрировать соответствующие этнические общности, что подтверждают специальные авторские расчёты по семи наиболее крупным «горским» этносам (табл. 5).

Таблица 5

Динамика численности чеченцев, аварцев, даргинцев, осетин, кабардинцев, кумыков и лезгин в Российской Федерации, на Юге России, а также в пределах «своей» республики за 1989–2010 гг.*

Table 5

Dynamics of the number of Chechens, Avars, Dargins, Ossetians, Kabardians, Kumyks and Lezghins in the Russian Federation, in the South of Russia, as well as within their “own” republic for 1989–2010

	Численность представителей этноса, чел.			Динамика численности за 1989-2010 гг., раз			Доля «своей» республики в общем приросте численности по Югу России, %
	В Российской Федерации, тыс. чел.	В «своей» республике	В остальных регионах Юга России	В Российской Федерации	В «своей» республике	В остальных регионах Юга России	
Чеченцы							
1989 г.	899	734501**	122584	1,59	1,66	1,18	95,6
2010 г.	1431	1225316**	145034				
Аварцы							
1989 г.	544	496077	26013	1,67	1,71	1,21	98,5
2010 г.	912	850011	31398				
Даргинцы							
1989 г.	353	280431	59978	1,67	1,75	1,27	92,9
2010 г.	589	490384	75983				
Осетины							
1989 г.	402	334876	29058	1,31	1,37	1,08	98,3
2010 г.	528	459688	31251				
Кабардинцы							
1989 г.	386	363494	12896	1,34	1,35	1,19	98,1
2010 г.	516	490453	15351				
Кумыки							
1989 г.	277	231805	32002	1,82	1,87	1,26	96,0
2010 г.	503	431736	40406				
Лезгины							
1989 г.	257	204370	18137	1,84	1,89	1,43	95,8
2010 г.	473	385240	26109				

* составлено по данным переписей населения 1989 и 2010 гг.

** суммарно в Чеченской Республике и Республике Ингушетия.

Аналитика свидетельствует — для всех (без исключения) крупнейших народов Северного Кавказа динамика численности на территории «своей» республики существенно (на порядок) превышала рост числа представителей этноса в других регионах Юга России. В пределах пространств российского Юга по-факту в 1989–2010 гг. имела место, таким образом, не некая (с алармистским оттенком) «кавказская экспансия», а напротив, проявления углубления территориально-этнической стратификации, этнодемографического изоляционизма в пределах собственного исторически сформировавшихся (и оконтуренных рубежами национальных республик) этнических регионов. Этот процесс (знаменующий и идентифицирующий собой наметившийся в пределах Юга России этнокультурный «разлом» с чётким обособлением в структуре макрорегиона его собственно «северо-кавказской составляющей») существенно превалирует над проявлениями (связанными с межрегиональной миграцией) пространственной диффузии того или иного из народов Северного Кавказа. Разумеется, можно (и нужно) делать поправку на широко укоренённое в республиках Северо-Кавказского федерального округа «отходничество», на распространённую в современной России практику жизнедеятельности «между домом и домом» [13]. Однако, судя по данным переписей населения, межрегиональные миграции лишь постепенно и пока в незначительной степени видоизменяют этнодемографическую структуру в «степных» («русских») регионах. Основная же этнодемографическая трансформация генерируема не в Ростовской области, либо Краснодарском крае; она захватывает весь Юг России как макрорегиональную целостность и сопряжена, прежде всего, с опережающим ростом численности автохтонных северо-кавказских этносов в пределах «своих» республик.

Основными «драйверами» этнодемографических изменений выступили, при этом, Чеченская Республика (и в целом чеченское население российского Юга, за два межпереписных периода продемонстрировавшее рост на 513 тыс. чел., что обеспечило, в итоге, 17 % от всего прироста населения Юга России), а также Республика Дагестан, его ведущие этносы («вклад» аварцев в позитивную динамику демографического потенциала Юга России за 1989–2010 гг. можно оценить в 12,1 %, даргинцев — 7,6 %, кумыков — 7,0 %, лезгин — 6,4 %). Учитывая же, что на эти четыре численно преобладающие на территории Дагестана народа приходится 72 % населения субъекта федерации, общее «участие» данной республики в позитивной демографической динамике всего южно-российского макрорегиона (и, соответственно, трансформации его важнейших этнодемографических пропорций) за анализируемый период можно оценить в 45 %.

Заключение. С момента последней переписи (2010 г.) миновало весьма существенное, наполненное многоаспектными социально-экономическими и геополитическими событиями время. Несколько видоизменились в этот период в пределах Юга России (сохраняя общий прежний вектор) и базовые этнодемографические тренды. Так, в частности, основным фокусом демографического прироста в период 2010–2019 гг. в контуре 13 исследуемых южно-российских субъектов федерации оказался Краснодарский край (агломерация Краснодара и практически «смыкающаяся» с ней полоса расселения в Причерноморье); на его долю пришлось 32,3 % от суммарной позитивной динамики численности населения, характерной, кстати, лишь для 8 регионов (5 из них — «этнические»). Доля Чечни составила, при этом, 14,1 %, Дагестана — 13,3 %, Ингушетии — 6,4 %, что косвенно свидетельствует как о постепенном

вступлении данных территорий в стадию «демографического перехода», так и об активизировавшейся миграции за пределы «своего» региона (согласно данным Росстата наиболее существенный «всплеск» миграционного оттока из северо-кавказских республик пришёлся на 2011–2014 гг. вновь обретя динамику в 2017–2018 гг. [14]). Можно, в этой связи, предполагать, что намеченная на 2021 г. очередная перепись населения выявит не только дополнительный прирост удельного веса автохтонных этносов Северного Кавказа в краях и областях российского Юга, но и дальнейшую неумолимую «дерусификацию» всей макрорегиональной этнодемографической структуры (начавшуюся ещё в 1960–70 гг. [2], но сполна продемонстрировавший свой вектор именно в постсоветский период [6]). Если гипотетически спроецировать её характерный для периода 1989–2010 гг. темп уже на «десятые» годы нашего столетия, то переписная статистика 2021 г. может показать снижение доли русских (суммарно, по 13 субъектам Российской Федерации) примерно на 4 процентных пункта (т. е. до 57,7 %). К середине столетия (даже с учётом замедления темпов естественного прироста в северо-кавказских республиках) этот показатель, с высокой степенью вероятности, не превысит 52 %. В итоге, ещё через три — три с половиной десятилетия Юг России (даже с учётом Крыма), продолжая демографически «прирастать» Кавказом, первым из крупных макрорегионов нашей страны обретёт свойства полиэтничности (когда русские в его пределах останутся ведущей по численности нацией, но фактически утратят позиции этнического большинства). На этом фоне станет видоизменяться превалирующая ментальность, трансформируются конфессиональные пропорции. Сам же российский Юг будет продолжать неумолимо обретать черты «междумирья», полизависимой периферии (уже сейчас регионы России пребывают в этом качестве по отношению и к Исламской Умме [11], и к выстраиваемому свой контур «Тюркскому миру» [7]). Для России это не только значимая (пусть и локализованная) структурная метаморфоза, но и в широком смысле геополитический, цивилизационный вызов.

Литература

1. *Бедрик А. В., Дьяченко А. Н., Сериков А. В.* Славянские народы Юга России: особенности воспроизводства и тенденции идентификации // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22. № 6. С. 30–40.
2. *Белозёров В. С.* Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. 304 с.
3. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага. 1927. 264 с.
4. *Вишневский А. Г.* Время демографических перемен. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2015. 517 с.
5. *Дружинин А. Г.* Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 5–15.
6. *Дружинин А. Г.* Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012, № 1 (4). С. 3–16.
7. *Дружинин А. Г.* Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 270 с.
8. Евразийский временник. Непериодическое издание под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин. 1923. 175 с.
9. *Исмаилов Ч.* Турция и Россия в геополитическом ребусе Кавказа // Uluslararası Sovyet Sonrası Türkiye-Rusya İlişkileri Sempozyumu. BİLDİRİLER KİTABI. İzmir. 2020. pp. 47–90
10. *Кабузан В. М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996. 347 с.
11. *Малашенко А.* Российская мусульманская община в мировой Умме // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 98–104.

12. Манаков А. Г. Русские в этническом пространстве России: региональная динамика с 1987 по 2010 г. // Региональные исследования. 2018. № 1 (59). С. 57–71.
13. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т. Г. Неведовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. М.: Росстат. 2020. 1204 с.
15. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
16. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Трудовые иммиграции в России: динамика и возможные последствия // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 1 (123). С. 91–100.
17. Северный Кавказ: модернизационный вызов / И. В. Стародубровская, Н. В. Зубаревич, Д. В. Соколов, Т. П. Интигринова, Н. И. Миронова, Х. Г. Магомедов. М., 2011. 328 с.
18. Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении России в конце XX — начале XXI веков // Южно-российский форум. 2011. № 1 (2). С. 51–72.
19. Суцкий С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994, 576 с.
20. Цуцнев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа. М.: Издательство «Европа», 2007. 127 с.
21. Черкасов А. А., Белозёров В. С., Щитова Н. А., Соннев Н. В. Геодемографический мониторинг демографических процессов в регионах юга Европейской части России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2020. Т. 26. № 1. С. 127–140.
22. Baddeley J. F. The Russian Conquest of the Caucasus — London, New York, Bombay, Calcutta: Longmans, Green and Co., 1908. IX. 518 p.
23. Caucasus Paradigms: Anthropologies, Histories, and the Making of a World Area. Ed. Bruce Grant and Lale Yalçın-Heckmann. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. No. 13. Münster: LIT Verlag, 2007. 309 p.
24. King Ch. The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. New York: Oxford University Press, 2008. XVIII. 291 p.

References

1. Bedrik A. V., D'yachenko A. N., Serikov A. V. (2016), Slavic peoples of the South of Russia: features of reproduction and identification trends, *Gumanitarij YUga Rossii*, vol. 22, no. 6, pp. 30–40. (In Russ.)
2. Belozеров V. S. (2005), *Ethnic map of the North Caucasus*, Moscow, 2005, 304 p. (In Russ.)
3. Vernadskij G. V. (1927), *The outline of Russian History*, part 1, Praga, 264 p. (In Russ.)
4. Vishnevskij A. G. (2015), *A time of demographic change*, Moscow, 517 p. (In Russ.)
5. Druzhinin A. G. (1999), South of Russia: conceptual and terminological concept and territorial realities, *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, no. 3, pp. 5–15. (In Russ.)
6. Druzhinin A. G. (2012), Demographic and economic dynamics of the regions of the South of Russia: long-term trends and new trends in the Russian and global context, *Yuzhno-rossijskij forum: ekonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ekonomicheskaya geografiya*, no. 1 (4), pp. 3–16. (In Russ.)
7. Druzhinin A. G. (2021), *Ideas of classical Eurasianism and modernity: socio-geographical analysis*, Rostov-na-Donu, 270 p. (In Russ.)
8. Eurasian timeline (1923), Non-periodical edition, eds. P. Savitsky, P. Suvchinsky and N. Trubetskoy, book 3, Berlin, Eurasian book publishing, 175 p. (In Russ.)
9. Ismailov Ch. (2020), Turkey and Russia in the geopolitical rebus of the Caucasus, *Uluslararası Sovyet Sonrası Türkiye-Rusya İlişkileri Sempozyumu*, Izmir, pp. 47–90. (In Russ.)
10. Kabuzan V M. (1996), Russians in the World: Dynamics of population and settlement (1719–1989). Formation of the ethnic and political boundaries of the Russian people, St. Petersburg, BLIC Publ., 347 p. (In Russ.)
11. Malashenko A. (2020), The Russian Muslim community in the World Ummah, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 3, pp. 98–104. (In Russ.)
12. Manakov A. G. (2018), Russians in the ethnic space of Russia: regional dynamics from 1987 to 2010, *Regional'nye issledovaniya*, no. 1 (59), pp. 57–71. (In Russ.)
13. *Between the house... and the house. Recurrent spatial mobility of the Russian population* (2016), eds. T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Mahrova, Moscow, Novyj hronograf, 504 p. (In Russ.)
14. *Regions of Russia. Socio-economic indicators* (2019), Moscow, Rosstat, 1204 p. (In Russ.)
15. Reformatskij A. A. (1996), *Introduction to Linguistics*, ed. V. A. Vinogradova, Moscow, Aspekt Press Publ., 536 p. (In Russ.)
16. Rybakovskij L. L., Kozhevnikova N. I. (2015), Labor immigration in Russia: dynamics and possible consequences, *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (123), pp. 91–100. (In Russ.)

17. *The North Caucasus: the modernization challenge* (2011), I. V. Starodubrovskaya, N. V. Zubarevich, D. V. Sokolov, T. P. Intigrinova, N. I. Mironova, H. G. Magomedov, Moscow, 328 p. (In Russ.).
18. Streleckij V. N. (2011), Shifts in the ethnic settlement of Russia in the late XX — early XXI centuries, *Yuzhno-rossijskij forum*, no. 1 (2), pp. 51–72 (In Russ.).
19. Sushchij S. Y., Druzhinin A. G. (1994), *Essays on the geography of Russian culture*, Rostov-na-Donu, 576 p. (In Russ.).
20. Cuciev A. A. (2007), Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus, Moscow, “Evropa” Publ., 127 p. (In Russ.).
21. Cherkasov A. A., Belozyorov V. S., Shchitova N. A., Sopnev N. V. (2020), Geodemographic monitoring of demographic processes in the regions of the southern European part of Russia, *InterKarto. InterGIS*, vol. 26, no. 1, pp. 127–140. (In Russ.).
22. Baddeley J. F. (1908), *The Russian Conquest of the Caucasus* — London, New York, Bombay, Calcutta, Longmans, Green and Co., IX, 518 p.
23. *Caucasus Paradigms: Anthropologies, Histories, and the Making of a World Area* (2007), ed. Bruce Grant and Lale Yalçin-Heckmann. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia, no. 13, Münster, LIT Verlag, 309 p.
24. King Ch. (2008), *The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus*, New York, Oxford University Press, XVIII, 291 p.

Сведения об авторе

Дружинин Александр Георгиевич — доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, Москва, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335

Scopus Author ID: 7005628550

About the author

Prof. **Alexander Druzhinin**, Head of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Leading researcher at the Institute of geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335

Scopus Author ID: 7005628550

Поступила в редакцию 19.04.2021 г.

Поступила после доработки 10.06.2021 г.

Статья принята к публикации 14.10.2021 г.

Received 19.04.2021

Received in revised form 10.06.2021

Accepted 14.10.2021